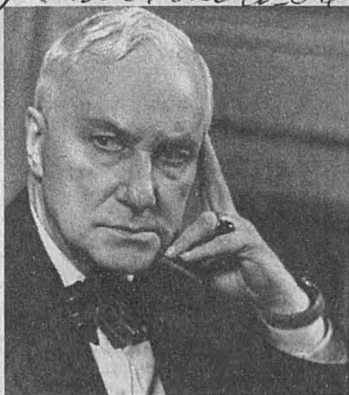

Л.В. Баратов

Кто спас Большой от пошлости?

«Слушай, Боб! (Он звал меня «Бобом»). Я хочу с тобой посоветоваться. Помнишь моего ученика по ГИТИСу Левку Михайлова? Он хорошо работает в Новосибирске. Думаю, вызвать его в Москву и передать ему свое место».

С такими словами, встретив меня на углу Столешникова и Большой Дмитровки, обратился ко мне тогда уже многоопытный, авторитетнейший из режиссеров музыкального театра Леонид Васильевич Баратов.

В то время он был руководителем Театра имени К.С. Станиславского и Вл.Ив. Немировича-Данченко. Он вернулся туда, проработав долгое время в Большом театре, Мариинском, в Свердловской опере. Воспитанник школы Художественного театра, он был рожден для оперы. Уже в 1926 году он — главный режиссер Музыкального театра Немировича-Данченко. Когда у его коллег закружилась голова от сенсационного успеха в Америке 1925 года, вернуть остатки труппы в Москву выпало на долю Леонида Васильевича. Надо было проявить огромную волю, энергию, влюбленность в дело, чтобы восстановить творческий импульс коллектива, получить для него здание на Большой Дмитровке (помните об этом, ныне бесчечно входящие в здание артисты, пользующиеся удобством и престижностью своего «места службы»! Вернуть, наконец, своего мэтра, вырвав его из рук... Голливуда!

Театр возродился, воспрянул, что, увы, (по русскому, парадоксальному обычаю!) стало причиной рождения в театре такой обстановки, от которой труженик-энтузиаст вынужден был бежать. Его «приютит» Большой театр. Это была счастливая находка!

Работа Л.В. Баратова в Большом театре — разумная и тактичная прививка школы Художественного театра к помпезно-торжественному костюмированному концерту (по выражению М. Балакирева). В то время все понимали, что без такой прививки знаменитый театр утонет в пошлости.

Работа режиссера Баратова в «большой опере» — важный этап в развитии этого искусства. От «Бориса Годунова» до «Евгения Онегина», от «Турандот» до «Псковитянки», от «Князя Игоря» до «Никиты Вершинина», «Сорочинской ярмарки», «Мазепы» — все значительно. Здесь он был признанным авторитетом. Когда в 1937 году я провел свою первую оперную репетицию в провинции и вдруг неожиданно услышал в конце ее аплодисменты пятидесяти участников, я растерялся. Однако до меня долетела фраза, брошенная кем-то из хора: «Да он почти, как Баратов!». Тут я сразу понял, что состоялся как оперный режиссер.

Было время, когда я работал в Большом театре при главном режиссерстве Баратова; было время, когда он работал там под моим «началом». Это ничего не меняло. Важнее быть лучшим, чем главным. Такт, уважение, понимание и расположение к коллеге я приобретал у Баратова.

В 50-е годы Леонид Васильевич снова в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Работал успешно и ...подумывал о смене. («Послушай, Боб, я хочу с тобой посоветоваться...»). Смена была достойной!

Мы же с Леонидом Васильевичем регулярно встречались в ГИТИСе, где работали профессорами на одной кафедре. Он был отличным педагогом. У него были острый язык и ясный ум. Любил предстать грозным, а в сущности говоря, был добрым человеком. Как много он сделал для искусства и для нас! Как хорошо, что он был!

Борис ПОКРОВСКИЙ.
Фото Б. ФАБИСОВИЧА